

Николай Богданов
ХОРОШАЯ ПОСЛОВИЦА
Рассказы

ЧИТАЕМ САМИ

НИКОЛАЙ БОГДАНОВ
ХОРОШАЯ ПОСЛОВИЦА
РАССКАЗЫ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1984

Дорогие ребята!

Николай Владимирович Богданов написал много книг для детей и юношества. Когда вы подрастёте, вы прочтаете его книги о первых пионерах и комсомольцах: «Когда я был вожатым», «Один из первых», «Партия свободных ребят» и другие. Он сам был участником событий, о которых рассказано в этих повестях.

В годы Великой Отечественной войны Н. В. Богданов был военным корреспондентом. Его рассказы для детей о войне, собранные в книге «О смелых и умелых», также написаны на основе личных наблюдений. С некоторыми из этих рассказов вас и познакомит книга «Хорошая пословица». Мы надеемся, что вам понравятся герои этой книги — смелые и умелые воины, которые всегда находили выход из трудного положения.

Хорошая пословица

В мирной жизни Афанасий Жнивин плотничал и охотничал. Строил избы. Умел делать и табуретки и столы. Когда пилил, стругал, приколачивал, любил приговаривать. Если гвоздь гнулся, он его поправлял, стучал молотком покрепче и добавлял:

— Не будь упрямым, а будь прямым!

И на охоте любил сам с собой рассуждать. Бывало, промахнётся по тетереву и скажет:

— Не тот стрелок, кто стреляет, а тот, кто попадает!

На войне Афанасий стал разведчиком. Сначала его ротный повар заприметил. Подходит Жнивин к походной кухне — и всегда с какой-нибудь шуткой-прибауткой. Подставляет котелок для добавочной порции каши и говорит:

— Отчего-то на войне есть хочется вдвойне!

Отметили его весёлость и командиры. Солдат бойкий — значит, нигде не растеряется. А когда узнали, что он охотничал, стали посылать в разведку.

Бои шли в карельских лесах, среди скал и дремучих елей, засыпанных снегом. Лесная война — коварная: без разведки ни шагу. И несколько раз Афанасий Жнивин вражеские хитрости разгадывал.

Однажды заметили на снегу одинокий след. Кто-то прошёл из нашего тыла через линию фронта. Ну, прошёл, и ладно, где же его теперь искать — давно у своих. Лазутчик, наверное. Проскользнул ночью — и был таков.

Но Жнивин припал к следу и говорит:

— Он здесь, позади где-то. Да не один, а несколько. Они друг за другом, как волки, в один след шли.

— Носками-то след к фронту направлен. Что же, они задом наперёд шли?

— А как же, так и шли, для обману, — отвечает Жнивин и показывает: — Смотрите: пятки в следах глубже носков вдавлены. Значит, вперёд пятками шли.

И хорошо, что наши проверили. Пошли по следам облавой и отыскивали семерых диверсантов. Под крутым берегом речки прятались — хотели мост взорвать.

После этого случая стали Жнивину доверять самые ответственные разведки.

Но вот однажды и Афанасий попал впросак, да ещё как! Чуть-чуть всю роту не погубил.

Нужно было проверить одну узкую дорогу среди дремучего леса. Деревья стояли вокруг великанские. Сосны вершины подняли до небес. Ели ветви опустили до самой земли. Снегу на них насыпано — целые сугробы. И дорога въётся по узкой просеке, как по ущелью. И глубина снегов в лесу такая, что узкие лыжи тонут, в сторону не свернёшь.

Рота шла по дороге, взяв лыжи на плечи. Жнивина послали вперёд с отличным лыжником Сушковым.

Сушков шёл по дороге и флажком давал нашим сигналы: впереди спокойно, можно идти колонной.

А Жнивин на широких охотничьих лыжах сходил с дороги, углублялся в лес — то вправо, то влево. Внимательно осматривал, не затаился ли где противник. И, возвращаясь к Сушкову, всё приговаривал:

— Следов нет — и врагов нет!

Вот дорога сделала поворот, нырнула вниз. Вот мост через лесную речонку. Великанские ели так плотно обступили вокруг, что только кусочек неба виднеется в вышине. Опасное место, удобное для засады.

Внимательно обследовал его Жнивин и ничего подозрительного не заметил.

Снег вокруг лежал чистый-чистый, никем не топтанный. Тишина стояла такая, что ветка хрустнет — и то за километр слышно.

— Ладно, — сказал Жнивин товарищу, — беги доложи командиру, что есть место для привала, а то из-за поворота нашим твоих сигналов не видно. Что-то они замешкались. А тут и вода рядом, и посидеть есть где.

Так он отправил донесение, а сам остался и стал внимательно оглядывать незнакомый лес. Что-то сердце у него тревожилось. Было как-то не по себе. Чувствовалось, будто он не один, а кто-то за ним подглядывает.

Что за притча: а ведь никого нет! И зверь не крадёт, и птица не летит...

А всё-таки кто-то смотрит.

Даже поёжился Афанасий. Скорей бы уж наши подошли, одному страшно что-то. А на миру и смерть красна...

И тут взглянул он на большую ель, ветви которой согнулись под тяжестью снега, и увидел такое, что мороз по спине пошёл. Из ветвей на него смотрели два глаза. И это были не жёлтые глаза рыси и не круглые глаза филина, а два человеческих глаза!

Но вот что самое страшное: человека не было видно! Ни рук, ни ног, ни головы. Только глаза! И смотрят пристально, зло.

Когда Афанасий встретился с ними взглядом, он даже зажмурился: «Это смерть моя!» И понял: сделай он сейчас оплошность — погиб...

Старый солдат в таких случаях знает одно правило: главное — не пугаться, не торопиться... Афанасий медленно прислонил к перилам моста винтовку, достал из кармана кiset с табаком, стал вертеть сигарку. И виду не подаёт, что заметил что-то недоброе.

Закуривает Афанасий, уткнулся носом в горстку, к огоньку спички, зажатой в ладонях, а сам сквозь пальцы ещё раз на эти страшные глаза взглянул.

Есть! Следят за ним! Не смотрит так ни зверь, ни птица — человеческие глаза ни с какими не спутаешь. Но как же они попали туда, на ёлку? Не дед же мороз туда забрался!

Прищурился Жнивин, взглянул пристальнее и различил, как на загадочной картинке, руки в белых рукавицах, голову под белым капюшоном и человеческую фигуру во всём белом. И из белой груды, затаившейся среди заснеженных ветвей, торчат сапоги. Не нашего покроя — с закорючками на носках, какие носят фашистские лыжники.

Первым делом захотелось ему схватить винтовку да закатить этому деду-морозу меткую пулю, но воздержался. Заметил на другом дереве среди ветвей ещё подошвы сапог. Значит, врагов тут много. Засада. Накануне метели они на ёлки забрались, потому и следов нет. Ловко устроились! Что же теперь делать? Открыть стрельбу, наших предупредить? Но ведь в ту же секунду и самого убьют. А что от него толку, от мёртвого? Он до победы воевать должен! Нет, так, зря, погибать не годится...

Вихрем промелькнули эти мысли в мозгу солдата, и он стал действовать так, как враги и не ожидали.

Оставил винтовку на мосту, подошёл под ёлку, на которой фашист сидел, и, как будто ничего не заметил, давай под деревом снежок отаптывать.

Затем достал перочинный ножик и ну на коре какой-то знак вырезать.

Наблюдают за ним фашисты. Затаились по деревьям, ничем себя не выдают. Для них один солдат не добыча. Они караулят всю роту. Вот как подойдут русские, не ожидая нападения, так и ударят они сверху из автоматов. Да так всех наповал и положат. Главное, чтобы этот русский разведчик ничего не заметил.

А его можно и в плен взять. Винтовку-то он на мосту оставил, какой-то дорожный знак вырезает.

И вот фашистский автоматчик стал осторожно спускаться с ветки на ветку. Да вдруг как прыгнет! И, стряхнув с ветвей груды снега, обрушился на Жнивина как лавина.

Но Жнивин того и ждал. Ухватил его за руки, сам под него подсунулся да спиной к дереву и прижал. И очутился фашист у него на спине беспомощный, как куль муки. И рук не выдернет, и слезть не может...

Жнивин у себя в деревне и не таких силачей перебарывал! Держит его, как в железе!

От дерева он — на дорогу, а по дороге — бежать к своим. Бежит и врага на спине тащит.

Фашистский дед-мороз завопил истошным голосом. Тут его приятели не выдержали и давай из автоматов палить. Да только вместо Афанасия всё попадают своему в спину.

Стрельбой-то и выдали себя.

Наши как ударили по деревьям из пулемётов — из ручных и станковых, так и полетели «ёлочки» вверх тормашками.

А когда бой кончился, командир подозвал к себе Жнивина и спросил:
— Ну, что скажешь, разведчик? «Следов нет — и врагов нет»... Плохая твоя пословица!

Смутился старый охотник:
— Да, эта пословица на войне не годится. Придётся её заменить другой: «Бываешь в разведке — посмотри и на ветки!»

Командир улыбнулся и сказал:
— Вот эта пословица хорошая!

Вдвоем с братишкой

Наши войска шли в наступление. Связисты тянули следом за ними телефонные провода. По этим проводам артиллеристам сообщают, куда стрелять; штабам — как идёт атака, куда посылать подкрепление. Без телефона воевать трудно.

И вдруг в разгар боя оборвались провода и связь прекратилась. Немедленно на линию выслали связистов. Вдоль одного провода побежали на лыжах боец Афанасий Жнивин и его товарищ Кременский.

Провод был протянут по уцелевшим телеграфным столбам. Смотрят солдаты: один конец провода валяется на снегу, а другой торчит на столбе.

«Наверное, шальная пуля разорвала либо от мороза лопнул, — решили бойцы. — Вокруг тишина. Кто же его мог оборвать?»

Кременский полез на столб. И только потянулся к проводу, как раздался негромкий выстрел снайперской винтовки, и солдат упал. Снег окрасился кровью. Вражеская пуля попала бойцу прямо в сердце.

Жнивин нырнул в снег и спрятался под большим старым пнём.

Молча стоят густые ели, засыпанные снегом. Не дрогнула ни одна ветка. Где же сидит фашистский снайпер? Не успел разглядеть его Жнивин с первого выстрела. А после второго поздно будет: меткая пуля глаза закроет. Опытный фашистский снайпер затаился где-то на дереве и бьёт без промаха.

Долго выжидал Жнивин — не пошевелится ли снайпер, не слезет ли с дерева, чтобы взять оружие с убитого. Но так и не дождался.

Только поздно вечером, под покровом темноты, он выполз из опасного места и принёс винтовку и документы Кременского.

И сказал, нахмурившись:

— Дайте срок, за моего друга я им крепко отомщу.

Той же ночью сел у горящего костра, достал чистую белую портянку, иголку, нитки и, выкроив мешочек с отростком посередине, стал шить. Когда сшил, набил мешочек соломой — и получилась голова с длинным носом, величиной с человеческую. Вместо глаз пришил чёрные пуговицы.

Молодые солдаты подивились:

— Вот так чудеса! Что это, Жнивин на войне в куклы играть собрался?

Хотели над ним посмеяться, а командир посмотрел на его искусство и сказал старшине:

— Выдайте Жнивину старую шинель и негодную каску для его куклы.

Афанасий пришил голову к воротнику шинели, к голове прикрепил каску, шинель набил соломой, потуже подпоясал — и получилось чучело солдата.

Даже разбитую винтовку ему на спину приделал и посадил рядом с собой у костра.

Когда принесли ужин, он пододвинул поближе котелок и говорит соломенному солдату:

— Подкрепись, Ванюша! Кто мало каши ел, у того силёнок мало, тот на войне не годится.

А чучело глаза пучило и, когда толкали, кланялось и смешило солдат. Не все тогда поняли, что такую большую куклу завёл себе Жнивин не для игрушек.

На рассвете, когда снова загрохотали пушки, Жнивин со своим «Ванюшей» исчез в лесу.

Сам он, в белом халате, крался ползком, а соломенного солдата толкал впереди себя на лыжах, без всякой маскировки.

Бой был сильный. От ударов пушек земля дрожала; от разрывов снарядов снег осыпался с елей и порошил, как во время метели.

Фашистский снайпер, убивший Кременского, сидел на том же дереве, не слезая, чтобы не выдать себя следами.

Он пристально смотрел вокруг и вдруг увидел: вдоль линии идёт русский солдат в серой шинели. Идёт-идёт и остановится, словно раздумывает. Вот он у столба. Привстал, дёрнулся вверх, словно его подтолкнули, и снова остановился.

«Трусит, видно», — усмехнулся фашист. Он взял русского «Ивана» на прицел, выждал и, когда связист ещё раз приподнялся, выстрелил.

Русский солдат присел, видно с испугу, потом снова на столб полез.

«Как это я промахнулся?»— подсадовал фашист. Прицелился получше — и снова промазал: солдат не упал.

От злости снайпер забыл осторожность и выстрелил в третий раз.

И в тот же миг получил удар в лоб, словно к нему вернулась собственная пуля. Фашист взмахнул руками и повалился вниз, убитый наповал.

Афанасий Жнивин встал из-под куклы, почти невидимый в белом халате, и сказал: — Взял он, Ванюша, тебя на мушку, да сам пропал ни за понюшку!

Посмотрел, а у его «приятеля» в шинели в разных местах три дырки от пуль.

Меткий был фашистский стрелок, да на солому попался.

Пока он стрелял в чучело, Жнивин его высмотрел да и выцелил на дереве, как глухаря на току.

Перехитрив одного снайпера, Жнивин подловил так же и второго. И много раз охотился на вражеских снайперов, приманивая их на соломенную куклу. И получалось всегда успешно.

Ему доставались похвалы бойцов и командиров, а его «Ванюше» — только фашистские пули. Но соломенному солдату не приходилось ложиться в госпиталь — Жнивин сам зашивал его раны суровыми нитками и приговаривал:

— У нашей соломки не велики поломки!

И когда бойцы его спрашивали: «Как это ты так ловко фашистов бьёшь?» — он отвечал: «Это я не один, а вдвоём с братишкой».

Лайка - не пустолайка

Когда фашисты отступали под натиском нашей армии, они взрывали мосты, портили дороги, сжигали дома и посёлки.

И жителей всех угоняли. Всё живое уничтожали: и скот, и птицу...

Много мы прошли деревень и ни разу петушиного крика не слышали. Лишь иногда попадались нам одичавшие собаки. Вокруг бегают, а к нам подойти боятся.

Разведчик Степан Сибиряков заметил одну такую.

Стоит на опушке леса светло-серая пушистая собачка, как игрушка. Уши торчком, хвост бутонем, глаза умные, живые.

— Да ведь это лайка, — говорит Степан. — Ценная собака!

Манит её куском хлеба:

— Собачка, собачка, поди сюда! Не бойся, глупая, я не кусаюсь.

Лайка хвостом виляет, а подойти не решается. Он к ней, а она от него.

— Вот до чего фашисты собаку довели — человека боится! — сокрушается Степан. — Главное, как её звать, не угадаешь, а то бы сразу подошла.

И начинает выкликать все собачьи имена. И Шарика, и Жучку, и Тузика... — все прозвища перебрал, а толку никакого.

Наконец свистнул, ударил себя ладонью по голенищу и скомандовал:
— А ну, к ноге!

И тут собака вдруг подскочила и стала рядом.

— Эге, — обрадовался Степан, — да ты учёная, охотничья! Ну молодец, вот и хозяйина себе нашла!

Подвёл он собаку к походной кухне и говорит повару:
— Угости-ка моего дружка кашей с мясом.

А повар сидит с перевязанной щекой у остывшей кухни и жалуется:
— Ну что за напасть такая — с этими проклятыми снайперами даже каши не сварить! Только выведу на открытое место — бац! Либо в лошадь, либо в котёл, а то вот мне в щёку. Наверное, им задание дано — оставить наших солдат без горячей пищи. Когда простые бойцы идут, они сидят тихо, а как только выедет грузовик, штабная машина или моя кухня, так сразу и закукуют!

Поворчав вдоволь на свою судьбу, повар дал собаке кусок недоваренного мяса и хорошую кость.

Степан угощает своего четвероногого друга и говорит:

— Извиняюсь, собачка: не знаю, как вас звать-величать. Придётся вам привыкнуть к новому имени... Какое бы ей имя дать?

— Назови её Пустолайкой, — пошутил повар.

— Нет, — ответил Степан, — лайка — не пустолайка! — и даже обиделся.

До войны Сибиряков был охотником и хорошо знал эту породу.

— Вы знаете, какие это собаки — лайки? — сказал он. — Без них разве белку добудешь! Белка спрячется на дерево, и всё тут. Лес большой, деревьев много. На каком она затаилась, поди узнай. А лайка чует. Подбежит, встанет перед деревом и лает, охотнику знак подаёт. Пойдёшь к дереву, а она мордочкой вверх указывает. Взглянешь на ветки — там белка сидит и сердится: «Хорк, хорк! Зачем, мол, ты меня человеку выдаёшь?»

— А рябчика она найдёт? — спрашивает один солдат.

— В один момент!

— А тетерева? — спрашивает другой.

— Найдёт.

— А фашистскую кукушку на дереве? — поинтересовался повар.

Тут все даже рассмеялись, а Степан нахмурился:

— Пойдите, товарищи, это интересный намёк. Надо попробовать.

Он подошёл к командиру и сказал:

— Разрешите мне испытать на охоте мою лайку.

Командир разрешил.

Сибиряков стал на лыжи, надел белый халат, взял винтовку, свистнул. Накормленная собака побежала за ним, как за хозяином.

Вошли в лес. Степан погладил собаку и шепнул:

— А ну, лайка, кто там прячется на деревьях? Вперёд! Ищи!

Лайка поняла, что её взяли на охоту, и радостно бросилась в чащу леса.

Метнулась туда, метнулась сюда — ни одной белки, ни одного тетерева.

Бегает лайка, и облаять ей некого. Даже синиц в лесу нет. Все птицы от войны разлетелись, все звери разбежались. Сконфузилась собака, перед охотником стыдно. Вдруг чует — на одном дереве кто-то есть. Подбежала, взглянула вверх, а

там человек сидит. Что это значит? Удивительно собаке. Не людское это дело на деревьях жить!

Тявкнула потихоньку, а человек плотнее к дереву прижался. Прячется, повадка как у дичи. Тявкнула она громче. Тогда фашист погрозил ей. Тут лайка и залилась на весь лес.

— Тсс!.. — шипит фашист.

А лайка своё: «Тяв, тяв, тяв! Зачем ты на дерево залез?»

Отгоняя надоедливую собаку, снайпер не заметил, что к нему осторожно, невидимый в белом халате, подкрадывается наш боец. Степан не торопясь прицелился и нажал на спуск. Раздался выстрел. Враг повалился вниз, ломая ветви. Степан на охоте белку в глаз бил, чтобы шкурку не портить, и на войне стрелял без промаха. Собака отскочила, поджав хвост и завизжав с испугу.

— Что, брат, — серьёзно сказал Степан, — велика птица свалилась? Ну, знай: это фашистская кукушка. Приучайся к новой охоте. Мы их с тобой всех переловим, чтобы они за людьми не охотились!

Сибиряков снял с врага оружие и пошёл обратно. Лайка вперёд забегает, подпрыгивает.

— Молодец, — кивает ей Степан, — понятливая собака! Враг фашиста — друг человека.

Так Степан Сибиряков стал знаменитым истребителем фашистских снайперов. Неумолимо очищал он лес от этих разбойников и после каждого удачного похода, поглаживая пушистую шерсть умной собаки, приговаривал:

— Лайка — это не пустолайка!

И назвал собаку ласковым именем — Дружок.

Веселый плотник

Весёлый появился в колхозе плотник — дом за домом отстраивает и всё песни поёт. Когда брёвна тешет, топором плясовой мотив выстукивает. Волосы у него с сединой, а глаза молодые. И седоватая борода задорно кудрявится. Всё время вцепляются в неё стружки.

Зелёная солдатская рубаша на нём выгорела от солнца. На спине соль от пота белым инеем проступила. А на груди блестят ордена и медали.

Видно, немало потрудился старый солдат в боях и походах.

— Дядя Пронин, а ты в фашистов много стрелял? — спросят его колхозные ребяташки.

— Нет, стрелять мало приходилось.

— А как же ты воевал?

— А я больше топором.

— Топором? Прямо по головам их, фашистов, да?

Посмотрит плотник в заблестевшие глаза мальчишек и улыбнётся в бороду:

— Да не головы — мосты я рубил. Война — хозяйство большое. Там не только стреляют, там всякой работы много. Кто к чему приставлен. Я сапёром был, мосты строил. Без мостов-то воевать нельзя. Без них ни туда ни сюда. Вот поначалу, когда немец нас попятил, рубили мы всё мосты отступательные, бросовые. Так только, чтобы по нему войско перешло, а потом его сжечь либо сломать. А когда мы его погнали, тут уж пошли строить мосты наступательные, крепкие. И сейчас везде

стоят. И на каких только речках наших мостов нет! Вот, например... — Плотник достанет засаленную, затрёпанную книжку, заменяющую ему бумажник, и начнёт перелистывать: — Бзура-река. Это в Польше. Мы через неё двухпутный мост построили. Или вот: Золотая Липа, с красивым названием река. Или вот: Банска-Бистрица. Это в Чехословакии. Или вот: Горынь-река — шумит, извивается, как Змей Горыныч. И каких только рек на свете нет! Много их нам до Берлина попало. Построил наш батальон несколько сот мостов.

И вот через какие только реки ни строили — всё война идёт. А вот дошли до одной, речка так себе, и неказистая речка-невеличка, а как через неё мост построили, так и война кончилась.

— А-а, это Шпрее! В Берлине? — догадываются ребяташки.

— Верно, в самом логове зверя. Как до неё дошли, так и Гитлеру капут... За что у меня орден Славы, спрашиваете? А это за то, что семь «языков» в плен взял.

— А разве сапёры пленных берут? — усомнятся ребяташки.

— А что ж, разве сапёрам запрещено? Коль сумеешь, так и бери. На войне всяко бывает. Со мной на реке Одер такой случай был. Есть такая река на границе Польши с Германией — большая, глубокая, широкая. Дошли мы до неё и остановились. Пора бы войну кончать! Всем охота поскорее наступление на самую Германию сделать, а тут какая-то заминка. Не дают нам, сапёрам, ни лесу, ни тёсу, ни брёвен — значит, наступление не готовится. Без мостов-то наступать нельзя.

Вышел я на берег реки. Все кусты, овраги осмотрел — никакого подвоза не заметил. «Что такое? — думаю. — Воюем всегда по плану, всё у нас продумано, всё начальство заранее предвидит. Неужели эта река непредвиденная? Не может этого быть!»

В таком рассуждении вышел я к обрывчику над водой. Смотрю: наши разведчики в маскировочных халатах притаились под берегом и на ту сторону заглядываются. Слышу: рассуждают, что трудно достать «языка». До того немец напуганным стал, никак не подступишься. Окопался окопами, опутался проволоками, залез в бетонные блиндажи, носу не показывает. Всю ночь осветительные ракеты пускает.

Иной раз доберутся ребята, схватят какого-нибудь фрица, а пока его через реку тащат, либо он у них захлебнётся, либо его шальная пуля подшибёт. Однажды приволокли двоих, мокрых, но живых. Дрожат от страха, а сказать ничего не могут. Глухонемыми оказались. Надо же быть такому невезению!

Решил я разведчикам помочь. Солдаты они молодые, не все приёмы знают. А я старый. Я ещё в первую мировую войну за храбрость Георгиевский крест заслужил.

Вот и сообщил я им один секрет. Командир их, гвардии лейтенант, даже засмеялся.

«Ну, говорит, старый хитрец, если дело выйдет, получишь от самого генерала и орден и отпуск на побывку домой!»

«Отчего же, говорю, не выйдет, способ надёжный. Орден и старому не хуже, чем молодому, подойдёт, а насчёт отпуска тоже не возражаю: по внучатам соскучился».

Договорились мы и начали действовать. Всё это, конечно, в тайне.

И вот к вечеру слышат немцы, что на нашем берегу топоры стучат, значит, мосты строят. А если мосты строят, значит, наступление готовят. А если наши наступление готовят, значит, фрицам несдобровать. Это они знают.

И вот наутро завозились на том берегу. И в стереотрубы на нас смотрят, и с самолётов фотографов на нас напускают, и по ночам прожекторными лучами кусты обшаривают. И ничего, никакой техникой нашу хитрость определить не могут.

Не найдут, где русские мост строят, да и всё.

А мы его и не строим. Зачем же, никто нам этого не приказывал. А топорами почему и не постучать? Стучим. Возьми небольшой обрубок, выдолби его — такой деревянный барабан получится, что любо-дорого.

Как начнёшь обушком стучать на заре, да по воде эхо подхватит, как будто сто плотников работают...

И, дав ребятам посмеяться, Пронин тут пройдётся обушком по бревну, скороговоркой.

— Сижу я вот так, под берегом притаился, стучу. Ночь стучу, вторую стучу — ничего не получается, не идут фашисты на приманку. «Неужели, думаю, у них так плохо разведка поставлена?»

И вот на третью ночь пал на реку туман. Луна светит, а видимость плохая. Свет в тумане получается ненормальный, рассеянный. Призрачный такой. И время — самый полночный час. И вдруг вода под берегом захлюпала, тростник всколыхнулся, грязь зачавкала. Смотрю и вижу — лезет на меня из реки какое-то громадное чудовище. Водяной не водяной. Домовой не домовый... Толстый, рыхлый,ловища круглая, с пивной котёл. Глазищи стеклянные, как автомобильные фары. И весь такой противный, студенистый, колышется, как резиновый.

«Вот как, — думаю, — фашистская нечистая сила оборудована, по последнему слову техники!»

Смотрю: а их лезет на берег ещё несколько! Один страшнее другого. Тина на них чёрная, донная. Водорослями опутаны, как утопленники. Невозможно смотреть...

«Стучи, стучи, — велят мне разведчики, — а то спугнёшь!»

Взялся я за топор, а у самого зубы стучат: ведь это они ко мне крадутся. Один водяной уже совсем близко подполз. Вдруг как разломится пополам! Голова — в сторону, шкура — в другую. Воздух из неё вышел — и сразу опала. И вылезает из оболочки самый настоящий фашист. За ним другой, третий...

Враз набросились на них наши разведчики: «Хенде хох!» Скрутили, связали и в штаб доставили.

Семь штук оказалось. Да какие хитрые! Шли к нам по дну реки в водолазных костюмах. Натянули на себя непроницаемую резину, надели на головы скафандры. У каждого на подмётках полпуда свинца, чтобы вода наверх не поднимала. И отправились на разведку. Вот какие были водяные!

Через неделю вызывают меня к генералу — награждать.

Орден Славы вешают мне тут же на грудь, а насчёт отпуска я сказал: «Никак нет, разрешите не поехать».

«Почему?»

«Опасаясь, пока я съезжу, без меня Берлин возьмут!»

Генерал засмеялся:

«А чего же тут опасаться?»

«Ну как же, — говорю, — что мне тогда внучата скажут? Всю войну воевал, а в Берлине не бывал... Разрешите задержаться. Теперь недолго!»

«А вы откуда, ефрейтор, знаете, что недолго?»

Тут я запнулся: военная тайна... В штаб-то я ближним путём шёл и заметил: по оврагам, по кустам — везде наставлены лодки, катера, самоходные паромы, амфибии разных систем. Великое множество. И всё замаскировано.

Тут я и догадался, что и река Одер у нас в планах предусмотрена. Только решил наш главный командующий плотников этой рекой не затруднять, а форсировать её внезапно, на плавучих средствах. Вот почему не давали нам ни тёсу, ни лесу.

Не успеют немцы оглянуться, как будем мы у них на плечах. И не слезем до самого Берлина...

Ну, про эту военную тайну я молчу и отвечаю так себе, просто:

«В природе, мол, чувствуется»

Тут генерал взглянул на меня строго и сказал:

«Приказа своего отменять не стану. Поедете в отпуск после постройки моста через реку Шпрее».

«Рад стараться!» — говорю.

Так оно и вышло. Построил я мост через Шпрее. Хороший, надёжный, и сейчас стоит. А не сообрази я вовремя, уехал бы в отпуск, ну и не было бы у меня медали «За взятие Берлина». А теперь — вот она!

Пронин позвонит медалями и добавит:

— На войне, ребятки, не только стрелять — побольше соображать нужно!..

И снова за топор. Так дом за домом отстраивает. И всё с шуткой, всё с песней.

Весёлый плотник появился после войны в колхозе!

Черный кот

В одном санитарном батальоне жил чёрный кот Васька, удивительный лакомка и к тому же фронт. Даже на фронте он только и делал, что умывался, прихорашивался, разглаживал усы лапой. Его чёрная шерсть сверкала, а усы загибались кверху.

Врачи и медицинские сёстры любили Ваську и так его набаловали, что кот стал есть самую некошачью пищу. Любил варенье, шоколад, конфеты. Любопытный был. Бывало, дадут ему конфету в бумажке, так он с полчаса трудится, а всё-таки бумажку развернёт и конфету попробует.

Однажды, ради смеха, дали ему ломтик лимона. Кот поморщился, но съел. А потом долго сердито вертел хвостом и поглядывал на всех обидчиво, словно хотел сказать: «Нашли чем угостить... Ки-исло!»

Но и после этого по-прежнему всем интересовался. А войны совсем не боялся. Под гром пушек спал спокойно, и когда особенно громко где-нибудь ахнет, он спросонья встрепенётся, поведёт прищуренными глазами: «Кто это спать мешает?», зевнёт — и снова на боковую.

И вот неожиданно во время наступления пригодилась забавная привычка Васьки всё пробовать. Однажды является в санбат солдат в обнимку с бочонком сметаны и рапортует:

— Товарищ доктор, принёс вам трофей! Из горящего дома вытащил. Чего добру в огне пропадать, раненым пригодится.

Доктор улыбнулся: в хозяйстве как раз не было сметаны. Взяли бочонок. Но тут же доктор подумал: «А вдруг эта сметана отравленная?» Коварные враги, отступая, отравляют даже воду в колодцах. Может, и в бочонок яду подсыпали. Как тут быть? Исследовать? Но в санбате не было химической лаборатории. Попробовать? Но кто же решится?

А тут вдруг на запах сметаны и чёрный кот пожаловал. Кошки, они в сметане хорошо разбираются. Плохую нипочём есть не станут.

Вот налили полное блюдечко и говорят:

— А ну, Вася, сослужи службу, определи качество.

Кот подошёл к сметане, отведал, облизнулся, расправил усы лапой и зажмурился: «Хороша! Давно не ел сметаны в походной жизни!» С удовольствием вылизал блюдечко.

Васька мурлыкнул, калачиком свернулся да и заснул. Кот спит, а люди вокруг волнуются.

— Отравился наш Васька, — говорит медсестра. — Смотрите, у него коготки уже вытягиваются... Умирает, бедняжка!

— Да нет, это он мышей во сне видит, — говорит санитар. — Вот когтищи-то на них и нас траивает!

А пока спорили, Васька проснулся, потянулся — да снова к сметане! Ну, тут ему дали ещё. И пошла сметана в борщ и в галушки: трофеей пригодился.

В другой раз подъезжает к палаткам батальона грузовик, а из него осторожно высаживаются легко раненные солдаты, и у каждого в одной руке винтовка, а под мышкой банка с вареньем.

— Товарищ доктор, принимайте для раненых подарок. В помещичьем доме нашли. Сладёна был фашистский помещик. Семи сортов варенье. Вот малина — хороша от простуды; вот клюква с орехами — жажду утоляет... Извините, одну банку разбили!

А любопытный кот уже сам в банки заглядывает. Все по очереди исследовал. Не понравилась ему только клюква, но и её отведал. Пьют бойцы чай и похваляют чёрного кота:

— Ай да кот у нас, ай да Васька, учёный-химик!

— Правильный нам кот попался!

Васька среди них расхаживает, спину выгибает, словно доволен, что на войне пригодился, и в ответ мурлычет:

«Прр-равильный, прр-равильный...»

Всё сходило ему благополучно.

Но однажды в санбат принесли самого обыкновенного молока. В захваченном нами городе всё фашисты пожгли, а магазин с молочными продуктами оставили. В нём полно молока, сыров, масла.

Стал кот пробовать. Вдруг как отскочит от блюдца, усы оттирает, лапки отряхивает и на всех смотрит. Что-то не то!

Встревожился весь санбат: чёрный кот отравился!

Раненые волнуются, сёстры чуть не плачут. Врач кота лекарствами поит. Насилу отходили Ваську. Но после этого случая кот забастовал: не хочет ничего пробовать, и конечно. Не ест ни колбасы, ни сала. Сам себе диету назначил. Похудел, шерсть у него потускнела. Ходит мрачный, даже не мурлычет.

Стали думать да гадать: как быть, что делать?

А тут наступила весна, и война окончилась нашей победой.

К лету из санбата выписались все раненые, и Васька окончательно поправился. Он отыскал в траве какие-то лекарственные растения, жевал их и сам себя вылечил. Принял свой прежний франтоватый вид — снова шерсть заблестела, усы поднялись кверху — и опять привадился к лакомствам.

Иногда главный врач его спрашивает:

— Ну, Василий, если война случится, ты с нами опять поедешь?

Васька изогнётся, проведёт ему по сапогам своим чёрным боком и промурлычет:

«Хор-рошо, пр-роедемся...»

— Я знаю, ты у нас кот храбрый.

«Хр-рабрый, — отвечает Васька, — хр-рабрый...»

Вот и вся история про чёрного кота.

